

Александр Филиппов

Время 37-го

Повесть

Александр Филиппов

Время 37-го

«Издательские решения»

Филиппов А.

Время 37-го / А. Филиппов — «Издательские решения»,

Возможны ли в сегодняшней России события сродни тем, что происходили в СССР в 1937 году? Волею фантазии автора подобные события разворачиваются в канун Нового года в отдалённом районе, в глухой российской провинции. Безобидный, казалось бы, розыгрыш местной элиты приводит к тяжёлым последствиям. Маховик репрессий неумолимо раскручивается, грозя охватить всю страну...

© Филиппов А.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Время 37-го
Повесть
Александр Филиппов

*Александру Борникову, моему товарищу и единомышленнику,
посвящаю*

© Александр Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Рассказ о невероятных событиях, произошедших в первый день Нового года в Солнечном районе Южно-Уральской области, хочется начать традиционно и буднично.

Например, с пушкинской простотой: гости съезжались на дачу.

Вернее, не на дачу в городском понимании этого места безмятежного отдыха, вдали от шума и суеты мегаполисов. Поскольку Солнечный район и без того располагался в пятистах километрах от областного центра, в чертях на куличках, и был, что называется, глухоманью, то, будет точнее сказать, что гости съезжались на заимку.

Надо заметить, что посёлок Солнечный не зря получил в далёком теперь прошлом, в пору освоения целинных и залежных земель своё жаркое, светлое имя.

Строился он в степи, в месте, произвольно отмеченном более полувека назад покорителями здешних непаханных просторов на карте, не озаботившихся вписать новый населённый пункт в исконный для русских поселений ландшафт. С непременной речкой и пойменными лугами, обильными сенокосами, лесочком с грибами да ягодами, и, что немаловажно, постоянным источником дров для отопления жилищ в зимнюю стужу, с плодородными, пригодными для пахоты землями окрест.

Первоцелинников в те далёкие времена интересовала только пашня для наращивания производства пшеницы, а потому разного рода лирику в виде живописного пейзажа в расчеты не принимали. Расчертили по карте, исходя из количества гектаров, контуры площадей новых совхозов, и вбили по центру в первозданную, отроду не тронутую плугом степь, колышки, обозначавшие места будущих поселений.

С одного из таких колышков и началось строительство населённого пункта, наречённого со свойственным хрущёвской «оттепельной» поре энтузиазмом посёлком Солнечный.

С годами оптимизма у покорителей целины поубавилось. Задорные комсомольцы по большей части разъехались, а те, кто остался растить в зоне рискованного земледелия хлеб, оказались в итоге живущими посреди бескрайней, продуваемой всеми ветрами голой степи, где ни кустика, ни речушки...

Вскоре стойким первоцелинникам наскучило вглядываться в неизменный горизонт, где степь, золотящаяся теперь пшеницей, сливалась с голубым, на редкость безоблачным здесь, действительно ослепительно-солнечным небом. И как-то, дружно выйдя на «субботник», они заложили в километре от посёлка рукотворный лес. Вылизанную суховеями, выжженную зноем до каменистой плотности землю засадили привычными к нехватке влаги карагачами, а чуть позже – и милыми сердцу всякого русского человека берёзками, клёнами, и совсем не встречающимися здесь в естественном виде, с трудом приживавшимися соснами.

За минувшие с тех пор десятилетия лес разросся благодаря новым посадкам и самосевом, пополнился кустарником – крепкой чилигой, шиповником и дикой вишней. Защищали на ветвях птицы. Появились неведомо как добравшиеся сюда из далёких краёв в целостности и сохранности по открытой местности косули, лоси, кабаны да зайцы. Местами рукотворный лесок сделался труднопроходимым и сумрачным. Следом за копытными пожаловали и волки.

Здесь-то, под сенью вымахавших до небес, и прямых, как телеграфные столбы, сосен, притаилась заимка, которую районная элита использовала то, как дачу для отдыха вдали от глаз простых налогоплательщиков, то, как охотничий домик. Точнее, теремок, рубленный из вековых лиственниц, обшитый липовыми досками с затейливой резьбой, с высоким крыльцом и террасой.

Летом здесь приятно было скрываться от монотонных степных ветров и палящего зноя, зимой – поохотиться с дорогими гостями из области, завалить кабанчика, пару косуль, а то и лося, а потом пообщаться неформально под жаркое и водочку.

Да мало ли поводов найдётся для того, чтобы занятой, обременённый многочисленными заботами руководитель вырвался-таки из круговерти бесконечных дел на лоно природы, и уединился в лесной тиши – уникальной для окружающего унылого степного ландшафта!

Одним из таких неизменных поводов был канун Нового года.

Известно, что традиции встречать наступающий календарный год бывают разные. Кто-то неизменно уже сорок лет, по крайней мере, на телеэкране, ходит с друзьями в баню. Кто-то предпочитает справлять всенародно любимый праздник в кругу семьи. Кто-то резервирует в ресторане столик.

Глава Солнечного района Александр Иванович Киваев с друзьями из так называемого «ближнего круга» любил отмечать Новый год в заснеженном и безмолвном лесу, на заимке.

Вот и сейчас по пробитой загодя в сугробах дорожке, к светящемуся таинственно и приветливо огнями окон теремку, подкатывали один за другим джипы, урчащие клубами белоснежных, по-европейски безупречно экологически чистых выхлопных газов.

Первым, как и положено, прибыл глава района Киваев. Это в простонародье бытует мнение, что «кто поважней, приходит попоздней». Александр Иванович любил всякое мероприятие держать под личным контролем. Тем более в этом случае он на протяжении уже... лет тридцати, наверное, был принимающей стороной.

И традицию встречать новый год на заимке, в те незапамятные советские времена, числящейся по реестрам райисполкома дачей для отдыха детей сельских тружеников, завёл тоже он. Как-то поссорился накануне нового года с женой (молод был тогда, случался грех – похаживал от законной супруги «налево», а она и дозналась), и на служебном «уазике» укатил подальше от разгоревшегося скандала в лес, в зимовье. Намеревался встретить Новый год в гордом одиночестве, наедине со своей обидой и прихваченной бутылкой водки... Да неведомо как прознали про то подчинённые, прежде всего верный заместитель по оргвопросам Помогайбин, и примчались следом. И вышло так, что бой Кремлёвских курантов слушали дружной компанией сослуживцев по старенькому транзисторному приёмнику, в чаще леса, крепко, без оглядки на жён, навеселе, за уставленными бутылками и нехитрой снедью, столом. Такое празднование Нового года неожиданно понравилась всем.

С тех пор так и повелось, и мало кто из районного начальства не мечтал либо по значимой должности, либо в силу особого расположения главы, оказаться на этой пирушке. Встретить полночь среди своих, а к двум часам, уже «по-московски», мчаться в ресторан при доме культуры «Целинник», где их ждали заскучавшие к тому времени, перемоловшие все местные сплетни и новости жёны.

Александр Иванович был высок, слегка полноват, седовлас благородно, и пребывал в том начальном пенсионном возрасте, когда богатый жизненный опыт и мудрость удачно сочетаются с нерастраченной ещё энергией, вполне достижимыми целями и осознанными, выверенными желаниями.

Солнечный район он возглавлял уже тридцать лет, пережив двух секретарей обкомов КПСС и трёх губернаторов, выиграв бесчётное количество выборов. Причём честных, всенародных, а не тех, что практикуют в последние годы – из числа депутатов райсовета, рекомендованных высшим должностным лицом региона.

С народом Киваев общаться умел и любил. Этому он научился ещё в пору своей комсомольской юности. Ибо, чтобы не говорили теперь, а с массами коммунисты разговаривать поднаторели. Причём с любой аудиторией – как со смирными, ловящими каждое слово, и даже записывающими что-то в блокнотике на коленке однопартийцами, так и с разгневанной, взбужденной толпой.

Метод, которым неизменно пользовался в своих выступлениях Александр Иванович, был прост. Людей он убалтывал. Говорил так долго, приводя множество конкретных примеров, уверенно и убедительно, что любые бузотёры стихали, в конце концов, заворожённые

его плавной речью, спокойной, доброжелательной интонацией. И ещё... было во внешности Александра Ивановича что-то такое, внушающее доверие сельскому электорату... Незыблемо простонародное, что ли? Чисто выбритый, с седыми волосами, зачёсанными назад (когда-то такую причёску называли в народе «политзачёс»), с пронзительным, с хитрецей, взглядом, он словно со страниц старой хроники советской поры сошёл в наше время. Простоватый, открытый, общительный, и одновременно знающий, видящий что-то такое, не доступное пониманию масс... Он как бы олицетворял собой преемственность поколений, непрерывность исторического процесса, стабильность и порядок, что так необходимо сегодня нашей стране в беспокойном, меняющемся стремительно, мире.

В общем, если совсем коротко, можно признать, что своего главу жители района любили.

По окрестным полям, на встречи с коллективами хозяйств, фермерами, Александр Иванович колесил на старенькой белой «Волге». Зачем раздражать трудно живущий в селе народ показной роскошью чёрного «Лексуса», который служил в основном для поездок в областной центр? «Волга» же по-прежнему воспринималась населением, как некий начальственный атрибут. При этом и скромный, и патриотичный вполне.

Однако, к заимке по причине зимнего бездорожья и отсутствия чужих завидующих глаз Александр Иванович подъехал на джипе.

У крыльца его встречал первый заместитель Киваева на протяжении вот уже четверти века, вечный, можно сказать, верный и неоднократно проверенный в делах Николай Афанасьевич Помогайбин. Был он худ, высок, и, будто стесняясь возвышаться над окружающими, сутулился вечно, что придавало его фигуре толику угодливости и готовности поспешно исполнить любое распоряжение руководства.

Заместитель с полудня колготился в теремке, следя за приготовлением снеди, сервировкой стола (прошло время, когда Новый год здесь мужики встречали с бутылкой водки и прихваченной из кладовой втайне от жены банкой маринованных огурцов), и ещё множеством разных мелочей, чтобы приём главы и на этот раз удался на славу.

Выйдя из машины, Александр Иванович благостно огляделся вокруг, и даже, несмотря на лёгкий морозец и падающий с тёмных небес редкий снежок, снял норковую шапку, вздохнув:

– Хорошо, господи... Красота-то, вокруг какая...

И действительно, слегка подсвеченный заиндевелой луной рукотворный лес стыл вокруг в снежном убранстве. Тишину лишь чуток нарушал приглушённый стук дизельной электростанции, прикопанной в ямке, чтоб не шумела, на задах заимки.

Два мужика из хозобслуги, принявшие слегка на грудь ради предстоящего праздника и повышения работоспособности, заканчивали споро расчищать деревянными лопатами площадку для автостоянки, и радостно поприветствовали прибывшее начальство.

В отдалении на чёрном от копоти мангале пылал костерок – готовили угли для шашлыка. Тянувшийся оттуда лёгкий горьковатый дымок напомнил вдруг Александру Ивановичу печь в родительском доме, чадающую так же вот при разжижке. Тогда, в детстве, он мясо пробовал только по праздникам, а о шашлыке и не слышал...

– Стол уже накрываем, решили не спешить, чтоб не заветривалось, – докладывал между тем заместитель. – Все продукты по причине международных санкций отечественные, в основном местного производства. Идеологически выдержанный, можно сказать, стол, как вы велели. Ну, и поскольку Крым теперь наш, – улыбнулся Помогайбин, – все вина, включая шампанское, тоже российские, крымские.

– А крепкие спиртные напитки? – прогоняя с лица благодушное выражение, деловым тоном поинтересовался Киваев.

– Водка наша, Бузулукского ЛВЗ, – отчитался заместитель. – А коньяк армянский. Армения ведь теперь в таможенном Союзе. Значит, можно? – озабоченно уточнил он.

– Можно, – снисходительно согласился Александр Иванович. – А то взяли, понимаешь, привычку, фуаграми разными, каракатицами заморскими закусывать! Я давеча на приёме у губернатора по случаю юбилея области был. Так подали что-то осклизлое, со щупальцами... Вилкой не подцепишь. Того и гляди, оживёт и прямо в рот прыгнет! Бр-р... гадость! Нет бы сальца копчёненького, под водочку-то, буженинки, капуста квашенной...

Помогайбин поддакнул кстати:

– А у нас, Александр Иванович, всё своё, экологически чистое. Поросёнок жареный, окорок из кабанятины, куропаточки, только что, утром стреляные, конинка вяленая – всё, как вы любите.

– Куропаток Иван стрелял? – любопытствовал Киваев.

– Он, егерь. И кабанчика он добыл. А ещё Иван Иванович нам лещей из Ириклинского водохранилища, свеже-копчёных привёз, – огромные, янтарным жиром сочатся... – заместитель невольно сглотнул слюну.

– Ты бы его к столу пригласил, – предложил Киваев.

– Рано, нужно присмотреться ещё. Он, когда выпьет, прихвастнуть любит. Боюсь, сболтнёт где-то лишнего...

– Ладно, тебе видней, – согласился Александр Иванович. И распорядился, – пойдём, покажешь, что вы там наготовили.

2

Первым из гостей прибыл Семён Моисеевич Лисовский – заведующий райпотребсоюзом. Низкорослый, худощавый, подвижный, он и в восемьдесят лет оставался, тем не менее, деятелен, бодр и целеустремлён. Впрочем, должность, которую он занимал в районе ещё с семидесятых годов прошлого века, называлась так по привычке. Сельская кооперация давно почилла в бозе, но Семён Моисеевич по-прежнему крепко держал в своих сухоньких ладошках все бразды правления районной торговлей и общепитом, являясь собственником большинства разбросанных по разным сёлам магазинчиков, именуемых в народе по старинке – «сельпо».

Поздоровавшись с главой, Лисовский придирчиво осмотрел плотно заставленный бутылками и закусками стол, поскольку принимал в его сервировке непосредственное участие, подошёл к стоящей здесь же ёлочке – пушистой красавице в человеческий рост, коснулся костлявыми пальчиками нескольких сияющих в электрическом свете, словно драгоценные камни, стеклянных игрушек, вздохнул ностальгически:

– Помню, во время войны, в эвакуации, мы с мамой в соседнем Кваркенском районе жили. Нас туда из голодного Ленинграда вывезли. Разместили в избе, у местных казачков. У них четверо своих ребятишек, да ещё мы с мамой. Хозяин однорукий, потому и на фронт не попал. А руку ему... левую, кажется, как он признался потом шепотком, красные конники в бою отрубили. Ну, ничего, ладили. Они, дело прошлое, даже не знали, что такое новогодняя ёлка! Хозяин долго удивлялся, когда мама попросила его из дальнего лесочка ёлку привести. Но послушался – мама же, учительницей была, авторитет, как бы сейчас сказали, имела среди местного населения. Привёз ёлку, украсили, чем смогли. Мама бусы свои повесила, я – зайку плюшевого любимого. Хозяйка несколько кокурок – пряников казацких, на ветках пристроила, а хозяин штоф самогона у колья поставил. Ах, какой чудесной та ёлка была. Лучшая в моей жизни! – и тут же, стряхнув с себя наваждение, обернулся к главе: – Я тут похозяйничал маленько у вас. Распорядился, чтобы шашлык часам к десяти вечера подавали. Хороший шашлык, из баранины. Мне овцу мясной породы специально для этого случая друзья из Казахстана прислали. Мясо прямо жиром облитое! Ну, а после полуночи – бешбармак с шурпой – чтоб народ, значит, чуток протрезвел, да к жёнам поехал...

Александр Иванович кивнул степенно:

– Вам виднее, Семён Моисеевич! Лучше вас застолье никто в районе, а то и в области, не организует!

За окном теремка полыхнули заревом сразу несколько автомобильных фар. Послышались возбуждённо-радостные голоса, топот ног, стряхивающих снег на ступенях. В распахнутую настежь дверь дохнуло морозом, и в заимку в клубах пара вошли трое.

– А вот и наши федералы-правоохранители! – радушно раскрыл объятия гостям Киваев. – Закон, так сказать, сразу в трёх своих ипостасях!

И обнял поочерёдно прокурора, начальника полиции и судью Солнечного района. Поскольку судья была дамой, Александр Иванович ещё и чмокнул её в румяную от мороза щёчку. И уловил привычный уже запах спиртного. «Ну что ж с того, – решил он смиренно. – Судья – Иннеса Фёдоровна Пермякова, женщина одинокая, муж к молодухке ушёл, детьми в своё время не обзавелась. Вот и попивает баба по-тихому...». Здесь, в сельской местности, всё про всех знали.

Вновь прибывшие сняли верхнюю одежду, и прошли в тёплую, с потрескивающим приветливо берёзовыми поленьями камином, благоухающую яствами, гостиную.

– О, ёлочка! – воскликнула с восторгом судья, и принялась оглядывать лесную красавицу.

Прокурор, Геннадий Петрович Сидякин – грузный, вальяжный, благородно лысый, облачённый в форменные китель и брюки, тоже приблизился к ёлочке, и, водрузив на нос очки в тяжёлой оправе, осмотрел придирчиво, как вещдок. Назидательно поправил судью:

– Это не ёлочка, а сосна. Примерно семи-восемью лет от роду. И срубленная наверняка незаконно, – погрозил он пальцем главе, а потом добродушно хмыкнул, – шучу, шучу... Уж чего-чего, а сосен в этом лесу на наш век хватит!

Начальник полиции, недавно занявший эту должность, держался скромно и скованно. И по причине молодости – ему не исполнилось ещё и тридцати, и по причине того, что был новичком, впервые после назначения оказавшийся в этой компании.

– Подполковник Коваленков, – вытянув руки по швам, представился он главе. – Благодарю за приглашение!

– Да полноте, Сергей Викторович, – приобнял его за плечи Киваев. – К чему этот официоз? Мы ж вас, можно сказать, с пелёнок знаем. И рады, что на смену нам, старым бюрократам, приходят молодые, перспективные кадры!

– А для меня никакой он не подполковник! – объявил вдруг громогласно Лисовский. – Так майором и остаётся.

– Это почему? – удивился Киваев.

Коваленков тоже дёрнулся беспокойно.

– Да потому, – доверительно взяв полицейского за плечо, пояснил Семён Моисеевич, – что вторую звёздочку на погоне с друзьями не обмыл!

– А-а, – с облегчением вздохнул Киваев, – это мы сейчас мигом исправим!

А Иннеса Фёдоровна предложила:

– Ну, по такому случаю – по стопочке? С морозца да для настроения!

– Да ради бога! – согласился глава, и обернулся к Помогайбину. – Николай Афанасьевич, организуй нам по рюмочке...

Тем временем число гостей пополнилось начальником управляющей компании ЖКХ района Петровым, руководителем лучшего животноводческого хозяйства Кандыбиным, заведующим свинокомплексом Черенковым, несколькими персонами рангом пониже – редактором районной газеты Полосатовым, главным врачом ЦРБ Струнцовым, парой-тройкой особо доверенных чиновников районной администрации.

Все были знакомы между собой едва ли не со школьной поры, многие уже виделись в течение дня, но здесь, на заимке, встречались вновь радостно, обнимались, тёрлись щеками в знак особой привязанности, и косились украдкой на стол в ожидании вкусной еды и обильной выпивки.

– Замечает, однако, – заметил озабоченно Кандыбин. – На федеральной трассе возле моста через Джарлу сугробы на дорожном полотне появились.

– То низовая метель пока, – со знанием дела пояснил начальник ЖКХ Петров. – Ветер с полей снег сдувает, и гоняет туда-сюда по степи, засыпает низинки. С этим дорожники быстро справятся. А вот то, что показания барометра падают – это серьёзно. Начнётся буря – занесёт всё к чёртовой матери! А у меня только два колёсных трактора «Беларусь» со скребками. Чем посёлок расчищать – ума не приложу!

– Да ладно тебе, – успокоил его Струнцов. – Новогодние праздники начинаются. Люди по домам будут сидеть.

Петров поджал губы скептически:

– Ты же первый названивать мне начнёшь. Твоя «скорая» где-нибудь в частном секторе увязнет, на вызов не поспеет. А кто виноват? Естественно, мы, жилкомхоз! А Полосатов про то в своей газете пропишет.

– Обязательно! – весело подтвердил главный редактор. – У меня уже и заголовок статьи готов: «Опять зима для коммунальщиков пришла неожиданно»!

Так, перешучиваясь дружески, гости коротали время перед застольем.

Наконец, Помогайбин скомандовал:

– Па-а-прашу всех к столу!

Рассаживались по заведённому исстари порядку. В торце стола, ближе к ёлочке – глава района. По левую руку от него – «федералы»: прокурор, судья, начальник полиции. По правую – первый зам Помогайбин, за ним Лисовский, далее – гости рангом пониже. Впрочем, Помогайбин не сел, а, взявшись решительно за бутылку коньяка, объявил:

– Предлагаю налить!

Все оживились, забулькали из горлышек в стопки.

– Вот, друзья, у Николая Афанасьевича налицо синдром опережающей рюмки! – со знанием дела заявил, заполняя невольную паузу, Струнцов. – Первый признак алкоголизма!

Все дружно засмеялись – Помогайбин давно был известен в районе как примерный трезвенник.

– Что это за синдром? – заинтересовался Кандыбин.

– А вот представь, – охотно пояснил главный врач. – Собралась компания, сели за стол. И вдруг кто-то один начинает больше всех суетиться, предлагает налить, скорее выпить... Невтерпёж ему, видите ли... Наркологи считают такое поведение первым признаком алкоголизма!

– Блин, у меня этот синдром точно есть! – покаянно признался Кандыбин.

– Николай Афанасьевич по долгу, так сказать, службы, первым за рюмку берётся, – защитил зама Киваев. – А вот тебе, Василий Денисович, за то, что тост задерживаешь – штрафная. – И приказал Помогайбину. – Налей ему коньяка в фужер!

– Слово предоставляется главе района Александру Ивановичу Киваеву! – игнорируя подколки и оставаясь серьёзным, торжественно провозгласил Помогайбин.

Александр Иванович поднялся с рюмкой в руке, начал прочувственно:

– Друзья! По давней традиции мы собрались за этим столом, чтобы в канун Нового года в неформальной, так сказать, обстановке, подвести краткие, самые общие итоги года уходящего...

Гости замерли с рюмками наизготовку, сосредоточенно глядя на блюда с закусками перед собой и смиренно готовясь выслушать тост главы, который по обыкновению затянется минут на десять-пятнадцать. Кто-то громко сглотнул слюну.

– Уходящий год наш район провожает хорошими показателями, – игнорируя этот звук, невозмутимо продолжил Александр Иванович. – Собрано пятьдесят тысяч тонн зерновых, включая тридцать тонн пшеницы мягких и твёрдых сортов. Получено более двухсот тысяч литров молока при надоях две тысячи девятьсот литров на каждую фуражную корову. Президент, правительство Российской Федерации, наш губернатор Георгий Алексеевич Горский лично уделяют самое пристальное внимание развитию животноводческой отрасли. И здесь у нас, друзья, наблюдается пусть не большой, но стабильный рост. поголовье крупного рогатого скота мясных пород насчитывает двадцать тысяч голов. Получает дальнейшее развитие свиноводство. Так, на свиноводческом комплексе «Уральский окорок» содержится... у меня цифра двадцать тысяч, а на сегодняшний день сколько уже, Григорий Тимофеевич? – обратился Киваев к директору свинокомплекса Черенкову.

– Тридцать тысяч голов! – степенно, не без гордости заверил тот.

– Вот видите! Прирост на десять тысяч по концу года. А это тридцать процентов! – воодушевлённо подхватил Александр Иванович, и бросил вскользь Помогайбину: – поправьте у себя в отчётах, Николай Афанасьевич...

– Ну, давайте за свиноводство! – воспользовавшись заминкой, громко предложила Иннеса Фёдоровна.

На неё дружно зашикали.

– Я заканчиваю, – улыбнулся глава, снисходительный к женской слабости.

От экономики, которая, конечно же, являлась главным источником энергии для всей жизни района, он плавно перешёл к социальной сфере, упомянув ненавязчиво достижения уходящего года – открытый вновь детский сад в селе Теренсай, отремонтированные клубы в Тобольском и Елизаветинском поссоветах.

На это ушло ещё минут пять, в течение которых Иннеса Фёдоровна умудрилась-таки хлопнуть рюмочку в одиночестве.

Завершающую часть выступления Киваев произнёс особенно возвышено, с дрожью в голосе:

– В наступающем году нас ждут не менее сложные дела и новые свершения. Не хочу говорить здесь о существующих проблемах, вроде завязшего уже в зубах диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, закредитованность агропромышленных предприятий. Всем нам они хорошо известны. Однако я не ошибусь, если выражу всеобщую уверенность в том, что мы с любыми трудностями справимся. Прежде всего, потому, что мы с вами – команда. Причём команда единомышленников, испытанная на прочность и в житейских неурядицах, и в политических боях. Поднимем же бокалы за уходящий год, в котором мы прожили, и который достойно отработали, дорогие друзья!

За столом все разом оживились, загомонили, потянулись друг к другу рюмками, соприкасаясь и звякая, следя заботливо за тем, чтобы кто-то не остался, не приведи бог, обойдённым. Упустишь, не чокнешься – и человек решит, что это – неспроста, что за этой рассеянностью кроется недобрый умысел. А какие недобрые мысли в отношении друг друга могут иметь место в команде единомышленников?!

Потом были ещё тосты, хозобслуга с ног сбивалась, поднося всё новые блюда. На кухне что-то бурлило в кастрюлях беспрестанно, скворчало на сковородках, дышало жаром из духовых шкафов.

Во дворе у крыльца светил в ночи рубиновыми углями мангал, с шипением падали и вспыхивали ярко капли жира с кусков баранины на шампурах, тянуло сладким и пряным дымком...

За велеречивым и щедрым застольем никто, конечно же, не заметил, как две фигуры в белых маскхалатах скользнули бесшумно на лыжах из лесной чащи к задней, погружённой во тьму стене заимки.

Снег шёл всё гуще, где-то в вершинах деревьев тонко посвистывал ветер.

Отстегнув лыжи, неизвестные быстро и деловито, не произнося ни слова и обмениваясь только жестами, принялись колдовать над установленной здесь же на бетонном фундаменте спутниковой антенной. На всё про всё у них ушло не более трёх минут. После чего безмолвные визитёры так же ловко встали на лыжи, и, оттолкнувшись палками, разом растворились в снежной круговерти. Они явно спешили. В степи начинался буран.

3

Ближе к полуночи все участники застолья были уже изрядно навеселе. Подали бешбармак – позаимствованное из меню здешних казахов блюдо – хорошо разваренную баранину с кусочками конской колбасы – «казы» и тонко раскатанными лепёшками теста, щедро присыпанными нарезанным кольцами репчатым луком. К бешбармаку полагалась шурпа в пиалах – крепко посоленный и поперченный жирный бульон.

Исконные обитатели некогда целинных степей казахи едят бешбармак руками, прихлёбывая шурпу, однако гости заимки орудовали вилками, Иннеса Фёдоровна ещё и разрежала каждый кусочек мяса ножом. Все раскраснелись от горячего, утирали пот со лбов – кто культурно, платочком или салфеткой, а кто и всей пятернёй.

Как издавна повелось в России, разговор за столом скатывался незаметно к делам насущным.

– Буран – это хорошо, – задал тон беседе директор свинокомплекса Черенков. – Значит, будет снег на полях, а весной – влага в почве. Следовательно, и урожайность повыше. А то, что в нынешнем году взяли? По семь-восемь центнеров с гектара. Курам на смех! И сенажа на зимовку скота едва треть наскребли от потребности...

– И то! – жарко подхватил больную для него тему сосед по застолью, руководитель мясомолочного хозяйства Кандыбин. – Я своих мужиков откомандировал было за двести вёрст, из Октябрьского района, сено возить. Это у нас засуха, а там дожди вовремя прошли, не поверите – травостой по грудь! Договорился с тамошними руководителями хозяйств обменять излишки сена на полсотни племенных бычков. Ну, думаю, войду в зиму с кормами! А чем возить? Понятно, тракторами, тележками. Так хрен там! – грохнул он кулаком по столу так, что шурпа в пиале расплескалась. – Туда, к октябрыцам, кое-как добрались. А назад – только мои водители на трассу выползли с сеном – ГИБДД тут как тут. Стоп! Стоять! Негабаритный груз! Создаёте опасность для дорожного движения! И давай с линейками вокруг тракторных тележек бегать. Тут на двадцать сантиметров кузов шире допустимого, тут на полметра выше... Короче, оштрафовали они моих шоферов-колхозников на две тысячи рублей каждого, а у тех вся зарплата – пять тысяч в месяц едва вытягивает. Но, главное, так и не выпустили на трассу. Они, может быть, полями и проскочили где, так дожди начались, распутица... так и остались мы без кормов. Вот вам и импортозамещение... А наши власти будут опять буйволятину из Аргентины возить – им это проще и дешевле кажется...

– Есть правила дорожного движения, которые никто не отменял, – покраснев, возразил ему начальник полиции.

– А я так считаю, – поддержал коллегу-агрия Черенков. – Раз губернатор области в нашем и в двух соседних районах чрезвычайную ситуацию по засухе объявил, в ликвидации последствий все службы, в том числе и федеральные, должны быть задействованы. И все ваши гибэдэдэшные нормативы – побоку. Наоборот, полицейские патрули должны были колонну тракторов с сеном по автотрассе сопровождать. С сиренами и мигалками. Как груз особого назначения! И куда только прокуратура смотрит?

Задетый за живое прокурор, только что глотнувший перед этим из рюмки, поперхнулся коньяком:

– С точки зрения соблюдения законности чрезвычайная ситуация правил дорожного движения не отменяет! – прокашлявшись, назидательно изрёк он. – Точно так же, как и требований к техническому состоянию автотранспорта. Это федеральные нормативы, и не нам в регионах их отменять!

– Молодо-зелено, – с сожалением покачал головой Лисовский. – Не знаете вы, что такое голод! По вашим правилам дорожного движения ни одна машина в блокадный Ленинград

не прошла бы. По тонному льду, да под бомбёжкой... не дай бог, жрать нечего станет – мигом все свои правила да инструкции позабудете!

– То война! Не путайте! – с обидой вскинулся прокурор.

– А падёж, гибель скота – это, по-вашему, мирная норма? – ошетинился Кандыбин.

– За допущенный падёж скота на государственном унитарном предприятии вы по закону ответите! – окончательно разозлился прокурор. – Как за нанесение ущерба бюджету в крупных размерах!

– Эх, Сталина на нас нет! Мигом бы порядок навёл, научил, как Родину любить – и прокуроров, и аграриев... – ностальгически вздохнул главврач Струнцов.

– Друзья, друзья! – дипломатично пресёк грозящую перерасти в скандал перепалку глава района. – Не место здесь решать производственные вопросы. Анекдот кто-нибудь расскажите, что ли...

– Я, я расскажу! – поднял руку с вилок Кандыбин. – К слову припомнился!

Все ожидающе обернулись к нему.

– Короче, сидят члены сталинского политбюро на даче, вот так же, как мы, выпивают. Тосты во здравие вождя произносят. Вдруг Иосиф Виссарионович говорит: «А давайте вы мне по-японски свою верность докажете!». «Это как?», – интересуются те. «А вот как, – отвечает Сталин. – У нас фамилия Берии на букву „б“ начинаются? Вот пусть он себе в знак верности товарищу Сталину большой палец на руке отрежет. Микоян – на „эм“. Он мизинчик отрежет». А потом обернулся к Хрущёву, и спрашивает: «А что это Никита Сергеевич у нас так побледнел?».

– Хи-хи! – не слишком дружно послышалось за столом.

– Н-не поняла, – с хмельной сосредоточенностью встряхнула головой Иннеса Фёдоровна. – А Михалков здесь причём?

– Какой Михалков? – в свою очередь удивлённо поднял брови «домиком» Кандыбин.

– Ну, Никита Сергеевич Михалков, кинорежиссёр! – не отставала судья.

– Да не было там никакого Михалкова! – возмутился Кандыбин. – Он и не родился ещё тогда! Хрущёв, Никита Сергеевич. Фамилия – на «хэ». Микоян – на «мэ», должен себе мизинчик отрезать. А Хрущёв – на «хэ». Что ему отрезать придётся? Понимаете?

– А-а... Ах-ха-ха, – дошло, наконец, и до Иннесы Фёдоровны.

Помогайбин поджал губы неодобрительно:

– Дурацкий анекдот. И не смешной вовсе...

– Ох-хо-хо, – заливалась Иннеса Фёдоровна, а потом, икая от смеха, указала на зама главы: – А Помогайбин у нас – на «пэ». Давайте ему пиписку отрежем! – И изобразила двумя наманикюренными пальчиками ножницы: – Чик!

– Я вас па-а-пра-шу... – дёрнулся, порозовев щёчками, оскорблённый Николай Афанасьевич, и начал было возмущённо приподниматься с места, но тут опять вовремя вмешался Киваев:

– Друзья, друзья! До наступления Нового года остаётся всего несколько минут. Включите кто-нибудь телевизор, принесите шампанское. Сейчас начнут передавать поздравление Президента России!

На стене заимки ожил большой плазменный телевизор. Внесли ледяное, с мороза, шампанское. Хлопнули в потолок пробки, зашипело, запенилось пузырьками вино в хрустальных бокалах.

Спутниковая антенна-«тарелка» даже здесь, в лесу, работала исправно, передавая качественное изображение. На экране появились увенчанные державными орлами башни Кремля, куранты, уверенно и размерено отсчитывающие минуты и секунды тысячелетней имперской истории.

– Передаём Новогоднее поздравление Президента Российской Федерации! – торжественно провозгласил хорошо поставленный мужской голос за кадром.

На экране во весь рост возник глава государства. Он стоял на Красной площади, осенённый прожекторами кремлёвских башен, с непокрытой головой, в модном кургузом пальтишке, а сверху на него, плавно и умиротворённо кружась, падали редкие, расцвеченные огнями украшенных ёлок, снежинки.

Лицо президента было сосредоточенным, строгим.

В невообразимо-далёкой от Москвы заимке все разом поднялись из-за стола – воодушевлённые, с просветлевшими лицами, держа фужеры с шампанским перед собой, словно церковные свечи.

– Соотечественники! Сограждане! Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои! – торжественно и проникновенно заговорил президент. – Сегодня вы собрались за праздничными столами, чтобы проводить старый, уходящий год, и встретить наступающий, новый. Встретить с новыми надеждами на благополучную жизнь, исполнение самых заветных желаний. Но все наши чаянья и надежды могут исполниться только при одном неслыханном условии – если Россия будет великим, мощным в экономическом и военном аспектах, процветающим государством.

Гости в заимке, напряжённо вслушиваясь, кивали, замерев и преисполнившись пониманием значимости момента. А президент между тем продолжал:

– Мы в целом неплохо потрудились в уходящем году. Несмотря на кризисные явления в мировой экономике и геополитике, достойно ответили на вызовы времени. Но этого мало, друзья. Многонациональный народ России ждёт от президента страны, главы правительства, губернаторов, руководителей муниципальных образований вплоть до самого маленького, отдалённого поссовета, новых прорывов в экономике, внутренней и внешней политике, дальнейшего роста благосостояния населения. Да, Россия за последние годы встала с колен, прочно стоит на ногах, обрела своё достойное место в мировом сообществе государств. Но до конца распрямиться, расправить плечи, скажу предельно откровенно, нам мешает тяжкий груз застарелых проблем. И прежде всего – это некомпетентность, порой вопиющая, управленцев различных уровней, коррупция, а, называя вещи своими именами, продажность и предательство государственных интересов значительной части чиновничьего аппарата, наших политических и бизнес-элит.

– Во, блин, даёт! – простодушно изумился Кандыбин, но на него дружно зашикали, засверкали гневно очами.

В голосе президента, будто услышавшего реплику агрария на далёкой заимке, зазвучали железные нотки:

– Я много езжу по стране, встречаюсь и беседую с простыми людьми. Иногда эти беседы носят очень доверительный, личный характер. И с полной ответственностью могу заявить, что люди устали. Они требуют от своего президента самым решительным образом искоренить из нашей жизни такие позорные явления, как взяточничество, воровство, некомпетентность представителей всех уровней власти. И я полон решимости – добиться этого в наступающем новом году. Настало время суровых решений. В своих действиях я намерен опираться на помощь добросовестных тружеников, честных управленцев, общественных организаций, политических партий, на помощь всего народа. На вашу помощь, друзья!

При этих словах прокурор и полицейский, не сговариваясь, поставили бокалы с шампанским на стол, вытянули руки по швам.

А президент продолжил проникновенно:

– Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, весь российский народ, поняли всю глубину опасности, которая угрожает стране. И отрешились от благодушия, от беспечности, пагубных в настоящее время. Внешний враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват

наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба, наших нефти и газа, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью разрушение национальной культуры и национальной идентичности народов, населяющих Россию. Но есть ещё и враг внутренний. Ещё более коварный и беспощадный, чем враг внешний. Потому что он умело маскируется, вредит исподтишка, пользуясь нашей доверчивостью и попустительством. Своими коррупционными действиями подтачивает страну изнутри. И в этой ситуации я особую надежду возлагаю на наши правоохранительные органы. Именно они, не считаясь с занимаемыми должностями и прежними заслугами, должны искоренять всё, что мешает поступательно развиваться нашей стране, тех, кто пытается нажиться за счёт государства, за счёт простых сограждан... Ежовыми рукавицами, не побоюсь такого сравнения, искоренять... Друзья! – сказал после недолгой паузы президент. – Наши силы неисчислимы. Наше дело правое. Вместе мы преодолеем любые трудности. Победа будет за нами. С Новым годом!

Изображение мигнуло, и место президента на экране заняли часы Спасской башни. Кремлёвские куранты принялись неумолимо, громко, размеренно отсчитывать секунды до наступления нового судьбоносного года. Пять... четыре... три... две... одна... Бабах!

В заимке все аж подпрыгнули – это шандарахнула-таки пробка из бутылки шампанского, которую всё время выступления президента Помогайбин судорожно сжимал в побелевших от напряжения пальцах.

4

– М-мда... с таким вот Новым годом, друзья! – с некоторой обескураженностью в голосе произнёс глава, и потянулся фужером к гостям.

Выпили, молча, опустили на стулья, растерянно поглядывая друг на друга.

– А вы заметили, – нарушил гнетущую тишину редактор районки Полосатов, – что когда президент произносил своё... э-э... поздравление, у него губы двигались не синхронно словам? Наверняка запись монтировали, переписывали...

– Ну, знаете, это ж не просто поздравление! Вроде: трали-вали, с наступающим, желаю счастья, чмоки-чмоки... – вступился за главу государства Киваев. – Это, можно сказать, программная речь. Обращение за поддержкой к народу! Может быть, какие-то моменты, фразы и подкорректировали...

Прокурор Сидякин грохнул вдруг кулаком по столу так, что тарелки и рюмки подпрыгнули:

– Не смей! Не смей дискредитировать выступление президента страны!

Гости опустили глаза, а вольнодумный редактор, стушевавшись, забормотал:

– Да разве ж я дискредитирую? Я наоборот, поддерживаю всячески... и проникаюсь...

Исчезнувший было в этот момент из-за стола, Помогайбин вернулся, объявил встревожено:

– Коллеги! Там водители волнуются – верховая метель пошла. В степи буран начинается. Надо выезжать, а то нас тут заметёт, неделю не выберемся...

Александр Иванович поднялся решительно:

– Ну, давайте на посошок, друзья, и в дорогу. Завтра, в связи с чрезвычайно сложившимися обстоятельствами, предлагаю всем с утра находиться на рабочих местах. Наверняка поступят какие-то указания свыше, и... вообще...

Застолье быстро свернулось, и через несколько минут колонна джипов, урча моторами, покинула гостеприимную заимку.

За пределами лесного затишья открытое пространство степи встретило их упругим ветром, снегом, валившим густо, стеной. Просёлочную дорогу замело, и мощные автомобили, беспощадно вспарывающие темноту и снежную круговерть кинжальным светом ксеноновых фар, едва пробивались сквозь полуметровые, росшие на глазах, сугробы.

– В «Целинник»? – поинтересовался у главы Михалыч, бессменный водитель, много лет, колесивший по здешним полям, и теперь каким-то шестым чувством определявший нужное направление при нулевой практически видимости.

– Домой! – коротко приказал Киваев, и, отвечая на удивлённый взгляд шофёра, досконально знавшего порядок традиции новогоднего торжества (сперва на заимке, среди своих, потом с жёнами, в ресторане ДК «Целинник»), пояснил скупно. – Заедешь в ресторан, супругу, Валентину Степановну, заберёшь. Завтра в семь тридцать за мной. На работу.

Вымуштрованный Михалыч молча, кивнул. Научился за много лет, обслуживая начальство, не задавать лишних вопросов.

Александр Иванович, отпустив машину, кое-как, ногами разворошив наметённый снег, открыл калитку в металлических воротах, и будто со стороны, придирчиво, осмотрел свой коттедж. Высокий, в два этажа, сложенный из красного стерлитамакского кирпича специального обжига дом не кичился архитектурными излишествами, свойственными подобным строениям последней четверти века. Был строг и по-сельски добротен, функционален. На первом этаже – просторная прихожая, через двустворчатую дверь направо – гостиная, с огромным, на полстены, телевизором. Слева – большая кухня со всеми соответствующими приамбасами: обширным, как шифоньер, холодильником, японской газовой плитой, посудными шкафами

и полками, барной стойкой итальянской работы, длинным разделочным столом с мраморной столешницей... всё как у людей! Далее – ванная комната, туалет, кладовая. На втором этаже – четыре спальни. Для него, жены, дочери, и одна гостевая. Ничего лишнего! Никаких бильярдных, зимних садов. Интересно, к его жилищу можно придраться? На предмет того, что возведено оно на нетрудовые доходы?

Придомовая территория, скрытая сейчас буранной мглой, тоже довольно скромная. Участок двадцать соток, фруктовый сад – яблони, груши, облепиха, полезная для желудка. Ну, ещё кусты малины, смородины, крыжовника – как же без них? У крыльца – розы, но сейчас их из-под снега не видно. На задах – банька рубленая, всего-то двадцать четыре квадратных метра полезной площади, бассейн малюсенький, только что оттолкнуться да проплыть с парой взмахов руками от борта до борта, гараж на две машины. Сарай – без него сельскому жителю опять же никуда, тёплый. С птичником, свинарником, хлевом для коровы. Сейчас-то, конечно, помещения пустуют, но уйдёт же, он когда-то с должности главы на пенсию? Вот и займётся на полном серьёзе домашним подворьем. Валентина Степановна, небось, забыла уже, как корову доить. Привыкла, что все харчи нынче в магазине есть. Или Михалыч в багажнике завезёт...

Кстати, за спиной, тихо урча, подкатил джип. Хлопнула дверца – Михалыч супругу привёз. Та не без труда, прилаживаясь то так, то этак, выбралась с третьей попытки из автомобиля, попеняла раздражённо мужу:

– Руку подать не додумался? Чего это вы всей компанией, чохом от ресторана отказались? Случилось что? И в дом не заходишь – торчишь у калитки, как нищий за подаванием!

– Да вот, смотрю, как наша усадьба со стороны выглядит, – не оборачиваясь, буркнул Киваев.

– Нормально выглядит, – подойдя и встав рядом, заметила раздражённо жена. – Давеча Петров бригаду прислал, снег почистили. Тебя-то не дождёшься! А сейчас опять эк, сколько намело!

– Я не то имел в виду, – досадливо повёл плечами Александр Иванович. – В смысле, вызывающе смотрится, или нет?

– Да ладно тебе, чего тут вызывающего-то! Можно было бы попросторнее, побогаче отстроится. Вон у Помогайбина домина – даром, что зам!

– Помогайбин пусть сам за себя, если прижмут, отвечает. Я о нас беспокоюсь.

– Господи, да кто прижмёт-то?! Перед кем отвечать?! – встревожилась не на шутку Валентина Степановна.

– Перед прокурором... Ещё чёрт знает, перед кем. Народным контролем... или как его нынче зовут? Народным фронтом каким-нибудь!

– Ничего не пойму. Может, ты выпил лишнего? – супруга пытливо взглянула ему в лицо. – Или съел чего?

– Ладно, пошли, – пропустил её вперёд в калитку Александр Иванович. И, защёлкнув за собой на электрозамок дверцу, спросил вполголоса: – Ты выступление президента смотрела? Его поздравление с Новым годом?

– Не-ет, – воззрилась на мужа Валентина Степановна. – К этому времени как раз все каналы отключились. Говорят, из-за бурана с передатчиком что-то... да ну его, телевизор этот! Везде одна Пугачиха с Киркоровым, да эти ещё... плясуны голозадые. Надоело. Мы с бабами по душам пообщались, попели. Вас ждали, пока вы в лесочке напразднуетесь! – упрекнула она.

– Посмотрю, какие песни вы теперь запоёте, – многозначительно пообещал Киваев, и пока пробирался с супругой к дому по заметенной свежими сугробами дорожке, кратко передал ей суть президентского поздравления.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Едва Александр Иванович, отряхнув снег с ботинок, шагнул за порог дома, на специально отведённой под аппарат тумбочке в прихожей зазвонил телефон.

Жена взяла трубку, и, послушав мгновенье, передала мужу:

– Помогайбин тебя. Уже соскучился...

– Ну, начинается, – заметил в сердцах Киваев, и, не сняв пальто, шагнул к аппарату: – Слушаю, Николай Афанасьевич!

В трубке трещало что-то, перемикая, голос заместителя доносился издалека, будто из преисподней.

– Александр Иванович! – хрипел, прерываемый помехами, Помогайбин. – Дороги все перемело к чёртовой матери, связь барахлит, мобильная вообще пропала. Тут один казах на «уазике» к нам по шоссе прорвался. И сообщил, что на трассе под Теренсаем в заносы микроавтобус попал. Врюхался по самое брюхо в снег, его теперь только «Кировцем» тягать!

– С пассажирами?

– В том-то и дело. Да с какими! Москвичами-телевизионщиками из ВГТРК. Они из соседней Челябинской области домой, в столицу, через наш регион шли. Ну и в буран угодили...

– Так дай команду Сушкову, пусть дорожников своих пошлёт, технику. Трассу расчистят, пробьют, микроавтобус вытащат. В первый раз, что ли?

– Уже, – сообщил заместитель. – Я вам почему звоню-то... придётся этих телевизионщиков у себя разместить. В нашей гостинице, при администрации.

– А не жирно им будет? – возразил Киваев. – Сойдёт и районный «Дом колхозника». Места там наверняка есть.

– Так в том-то и дело, Александр Иванович, что это за телевизионщики... Вы программу «Контрольный выстрел» помните? Во-о, они самые, авторы этой программы, и есть. Журналоги отвязанные! Три мужика, включая водителя, и одна дама.

– Твою мать! – ругнулся в трубку Киваев. – Час от часу не легче! Может, оставить их на трассе? Дескать, ничего не знаем, слыхом не слыхивали, ни о каких журналистах!

– Да я уж думал про то, – поддакнул Помогайбин. – Они как раз на границе с Ясненским районом. Пусть соседи их себе на беду выручают! Но дозвониться до тамошнего главы не смог. Говорю ж – связь ни к чёрту. А оставлять их на дороге тоже нельзя. Замёрзнут на хрен!

Александр Иванович пожевал губами в задумчивости.

– Ладно, везите их к нам. Разместить в нашем гостевом домике. Сообрази, чем накормить. Посмотри, как насчёт запасов съестного на кухне. А то может, там, в холодильнике – одна лампочка! С Лисовским свяжись, пусть чего-нибудь из деликатесов подкинет. Водочки мужикам, винца для дамы поставь. Конфеток каких-нибудь к чаю... ну, не мне тебя учить. Спать уложи. А утром разберёмся... Главное, спровадить их побыстрее. Действуй!

Опустив трубку, обернулся к жене:

– Ну вот, одно к одному. Теперь здесь ещё и столичные контролёры-надзиратели появились...

Журналисты программы «Контрольный выстрел» Всероссийской гостелерадиокомпании с полгода назад наделали в регионе много шума, ославив целинный край на всю страну. Прикатив без предупреждения в областной центр, телевизионщики ввалились гурьбой в кабинет начальника управления горадминистрации, ведающего жильём. И потребовали чётко и ясно разъяснить, почему, несмотря на решение суда, сироте на протяжении нескольких лет не предоставляют положенной по закону квартиры.

Чиновник, привыкший до того случая общаться только с местными, провинциальными представителями средств массовой информации, как правило, не сводящих с начальства такого уровня преданных глаз, ловящих каждое слово, выражающих всем своим видом «рабо-

ление в спине», так возмутился бесцеремонностью столичных визитёров, что смазал одному из них по физиономии.

Потом последовала безобразная сцена, в которой заезжих журналистов охрана за шиворот вытолкала на улицу, разбила им телекамеру...

Сюжет об этом, естественно, был показан по общероссийскому телевидению, высокопоставленный чиновник расстался с должностью, местные журналисты не без скрытой зависти клеймили столичных коллег, обвиняя тех в «хамстве и непрофессионализме», зато населению телепередача страшно понравилась. И с тех пор народ грозился при случае: дескать, не исполните нашу просьбу – обратимся на телевидение, в программу «Контрольный выстрел»!

Вот каких гостей занесла нелёгкая в Солнечный район, да ещё в такой ответственный, судьбоносный, можно сказать, период. Не дай бог, расчехлят завтра свои телекамеры, и пойдут шнырять по району! Кто знает, чего они при этом разносят, накапливают...

«Чёрт!» – осенило вдруг Киваева. У него же тоже одна сирота без квартиры, по углам маячется... а может быть, как раз по этому поводу телевизионщики и нагрянули? И оказались на территории района совсем не случайно?!

– Саш, а, Саш, – окликнула вдруг жена.

И то, что назвала она его так, как в молодости, запросто, а не по имени-отчеству, к чему привыкли оба за последние годы, особенно тронуло вдруг. И то – верная спутница на протяжении всей долгой жизни. Уткнуться бы ей сейчас в плечо воспаленным от навалившихся дум лбом, спросить совета, поискать сочувствия...

– Я вот что кумекаю, – продолжила между тем жена. – Может, мне всё золото, драгоценности, валюту, какая есть, в баню снести, спрятать? Или тётке Дарье на сохранность отдать? А то нагрянут с обыском, всё отберут. Пойдём на старость лет по миру...

– Ду-у-ра! – заорал Александр Иванович на супругу. – По этапу мы с тобой пойдём. В Сибирь, а не по миру!

Не привычная к такой грубости Валентина Степановна поджала губы обиженно.

А Киваев тем временем размышлял напряжённо, до головной боли: что делать? Что делать?!

5

Ух, какой свирепый буран обрушился в ту новогоднюю ночь на посёлок Солнечный и его окрестности! Будто разгневавшись за что-то на обитавших здесь людей, снег решил сравнять поселение со степью, стереть его с лица земли, показать, кто на этом необъятном пространстве от Уральского хребта до Монголии и Китая настоящий хозяин!

И Александр Иванович догадывался о причинах такого гнева. Расположившись здесь, в степи, по-хозяйски, человек стал, не озабочиваясь особо последствиями, подлаживать тысячелетиями устоявшуюся экосистему под себя, безжалостно сдирая плугами верхний, животворный слой почвы, искоренять гербицидами родные для этой земли реликтовые травы, и сажать новые, культивируя чуждые для этих мест злаки на потребу своему чреву. Попутно уничтожая птиц и зверьё, травя пестицидами насекомых. Причём хозяйничал человек зачастую глупо, расточительно, бесшабашно, чему Киваев был сам свидетелем с детства. Так что было, было, с чего природе бунтовать и яриться, мстя здешним поселенцам то злыми, мертвящими всю «культурную» растительность засухами, то полчищами устойчивой к самым сильным ядам саранчи, то такими вот, сводящими на нет все блага цивилизации, буранами...

Александр Иванович понял, что спать в эту ночь ему не придётся. И пока за окнами колобродили, несмотря на непогоду, стойкие ко всяким невзгодам и лишениям потомки первоцелинников, расцвечивая тяжёлое, снеговое небо вспышками праздничных фейерверков, грохотали петардами, встречая наступление нового года, глава района шагал размашисто по ковровому ворсу гостиной своего коттеджа, и думал, думал...

Не сказать, чтобы он так уж дорожил своей беспокойной должностью, цеплялся за неё мёртвой хваткой. Просто... за три десятилетия бессменного пребывания на этом посту пообвыкся вполне, и не мыслил себя в ином качестве. Народ его тоже поддерживал, не стремясь поменять руководство районом даже в самые переломные, много кого посметавшие с верхних эшелонов власти, годы. За Александра Ивановича голосовали на выборах привычно и дружно, видя в нём некоего гаранта стабильности территории проживания, этакого островка прочной суши в бушующем океане глобальных перемен.

Киваев тоже, в свою очередь, опираясь на поддержку населения, не спешил разворачивать паруса всем попутным ветрам, дующим со стороны центральных органов управления областью и страной. Был сдержан, медлителен и осторожен в решениях, не торопился лезть поперёд батьки в пекло. Что, кстати сказать, позволило в своё время не допустить в Солнечном районе развала крупных коллективных хозяйств, сохранило во многом, вопреки навязанным сверху «оптимизациям», инфраструктуру села – участковые больницы и фельдшерско-акушерские пункты, малокомплектные школы, клубы и библиотеки, торговую сеть даже в самых отдалённых посёлках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.